

Андрей Александрович Володькин

*д-р ист. наук, доц., ведущий науч. сотрудник Института истории
Национальной академии наук Беларуси*

Andrei Valodzkin

*Doctor of Sciences in History, Associated Professor,
Leading Researcher of the Institute of History of National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: valodzkin@history.by*

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.*

Целью статьи является характеристика внешних и внутренних факторов, определявших формирование исторической политики Германии во второй половине XX в., и выявление их роли на различных этапах этого процесса. В качестве внешних факторов рассматриваются навязанная Германии политика денацификации, раздел Германии в связи с началом холодной войны и ее последующее объединение в 1990 г., а также развитие европейской интеграции. Среди внутренних факторов рассматриваются и те, что препятствовали формированию германской исторической политики (реинтеграция бывших нацистов в структуры госуправления и обусловленная этим политика замалчивания масштабов нацистских преступлений), и те, что способствовали этому процессу (изменения в общественном сознании под влиянием немецких интеллектуалов и смены поколений).

Ключевые слова: Германия, историческая политика, общественные дебаты, холодная война, европейская интеграция.

External and Internal Factors in the Formation of German Historical Policy in the Second Half of the 20th Century

The aim of the article is to characterize external and internal factors that determined the formation of historical policy in Germany in the second half of the 20th century and to identify their role at different stages of this process. The external factors considered in the article include: denazification policy imposed on Germany, division of Germany into two states at the beginning of the Cold War and its subsequent unification in 1990, as well as development of the European integration. The internal factors include both those which hindered the formation of German historical policy (reintegration of former Nazis into the structures of state administration and the resulting policy of hushing up and forgetting the scale of Nazi crimes) and those which contributed to this process (changes in public consciousness under the influence of German intellectuals and the change of generations).

Key words: Germany, politics of history, public debates, Cold War, European integration.

Введение

Научный интерес к исторической памяти обусловлен ее ролью в формировании национальной идентичности. Но важно помнить, что историческая память не статична: как внутривосточные процессы, так и события на международной арене могут приводить к актуализации или ревизии устоявшихся представлений о прошлом. Более того, формирование исторической па-

мяти обычно связано с целенаправленной политической деятельностью по укоренению в массовом сознании определенных образов прошлого и исторических мифов, призванных дать ответы на актуальные вопросы настоящего. Такая деятельность называется «политикой памяти» или «исторической политикой».

Хотя основное внимание исследователей исторической политики приковано к странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), где эта тема приобрела особую актуальность, сама историческая политика как явление зародилась именно в Германии. Этой стране принадлежит первенство в раз-

*Статья подготовлена в ходе выполнения научного гранта БРФФИ № Г23ПП-021 «Беларусь и историческая политика европейских стран: понятие, акторы и практики (на примере Польши, Германии, Франции, Литвы и ЕС: 1991–2022)».

работке ее концептуальных положений и основных практик. Опыт Германии был во многом новаторским и уникальным. Как отмечает А. Ассман, новая мемориальная культура, на которой строилась германская политика памяти, – «это абсолютная историческая новация. У нее нет ни исторических предшественников, ни традиций, на которые она могла бы опереться» [1]. Такое новаторство было обусловлено чередой особых политических потрясений и трансформаций, через которые эта страна прошла в XX в.

Целью данной статьи является характеристика внешне- и внутривнутриполитических факторов, которые определяли формирование исторической политики Германии, и выявление их роли на различных этапах этого процесса.

Основная часть

Обзор историографии

В первую очередь следует отметить публикации, посвященные эволюции оценок нацистского и имперского прошлого Германии в послевоенный период и формированию концептуальных основ современной исторической памяти в ФРГ. Среди них выделяется монография немецкого исследователя А. Ассман [1].

К этой же группе стоит отнести статьи П. А. Доценко [2], М. В. Новиковой [3], Д. И. Колесова и И. И. Масловой [4], в которых разбираются вопросы эволюции исторической памяти о Второй мировой войне и формирование «политики вины» в ФРГ.

Вторая группа включает публикации, посвященные формированию уже непосредственно исторической политики Германии. Здесь следует выделить работу Д. В. Шмагина о влиянии идей философа К. Ясперса и историка Ф. Фишера на формирование исторической политики ФРГ в условиях разделенной Германии [5], а также исследования М. К. Медведевой [6], А. П. Соколова и А. Д. Давыдова [7; 8], С. Брокмана [9] и Я. Эдера [10].

Внешние факторы, заложившие исторический контекст формирования политики памяти в Германии – это прежде всего поражение Германии во Второй мировой войне и навязанная ей государствами-победителями политика денацификации, направленная не только на осуждение

нацистских преступников и самой идеологии нацизма, но и на создание надежных конституционно-правовых гарантий против его возвращения в политическую жизнь государства [4, с. 92]. Периодически проводившиеся странами-победительницами кампании по информированию немецкой молодежи о масштабах нацистских преступлений (например, показанный в ФРГ в конце 1970-х гг. американский сериал о Холокосте), также способствовали активизации внутренних дебатов о темных страницах прошлого Германии и уроках, которые необходимо из них извлечь для будущего страны [1].

Вторым важнейшим внешним фактором стала холодная война между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции, которая привела к образованию двух отдельных немецких государств – ФРГ и ГДР. Эти государства строились на принципиально разных политических и экономических моделях, были интегрированы в противостоящие военно-политические блоки и до конца 1960-х гг. фактически не признавали друг друга. Граница между ними стала одной из самых опасных разделительных линий холодной войны. Для немецкого общества по обе стороны этой границы встал вопрос оценки такой ситуации. Считать ли ФРГ и ГДР временными образованиями, навязанными Германии извне, т. е. исторической несправедливостью, которую нужно преодолеть любой ценой? Или закономерной расплатой за преступления нацизма и развязывание двух мировых войн, а следовательно, вместо объединения нации необходимо сконцентрироваться на укреплении республиканских демократических институтов, способных предотвратить рецидивы имперского прошлого?

Такую идею ввели в политический дискурс ФРГ в начале 1960-х гг. философ К. Ясперс и историк Ф. Фишер [5]. Обострение «германского вопроса» в международных отношениях начала 1960-х гг. еще больше усилило остроту этих дискуссий. И хотя позиция Ясперса и Фишера тогда не стала доминирующей (вплоть до конца 1980-х гг. объединение Германии оставалось главной внешнеполитической целью ФРГ), она положила начало традиции общественных дебатов об отношении к темным страницам германского прошлого [1].

Завершение холодной войны и объединение Германии сняли это противоречие. Но взамен встал вопрос оценки периода ГДР в немецкой истории. Акценты исторической политики стали смещаться с победившей в ходе «спора историков» идеи об исторической уникальности и беспрецедентности событий Холокоста и остальных нацистских преступлений в сторону сохранения и поддержания памяти о преступлениях всех тоталитарных режимов в Европе – не только нацистских и фашистских, но и коммунистических. Такой концептуальный сдвиг способствовал развитию в переходных государствах ЦВЕ идей о «двух равно преступных тоталитаризмах – гитлеровском и сталинском», которые стали играть важную роль в формировании их исторической политики.

Нужно упомянуть и о роли европейской интеграции, которая начиналась как историческое примирение Франции и Германии. Успехи экономической интеграции уже в 1970-х гг. поставили вопрос о разработке общей исторической политики и формировании европейской идентичности. Этот вопрос был особенно важен Германии. Во-первых, потому, что одним из принципов наднациональной европейской идентичности стал нарратив коллективной ответственности народов Европы за события Холокоста, который играл ключевую роль в формировании исторической политики ФРГ. Во-вторых, в связи с глубоким кризисом и стигматизацией немецкого национализма как главного виновника всех трагедий европейской истории XX в. он более не мог выступать основой идентичности нового поколения немцев [5, с. 138–139]. Поэтому идеи европейской идентичности оказались востребованы в Германии даже больше, чем в других странах ЕС.

Однако такой вынос основного источника идентичности за пределы страны в долгосрочной перспективе имел и свои недостатки. Постепенно сформировалась политическая культура, основанная на приоритете европейских ценностей над национальными интересами, в значительной степени оторванная от реальных проблем и неспособная эффективно реагировать на новые вызовы. Самым ярким проявлением этого стали неэффективные действия руководства ФРГ в ходе миграционного кризиса

2015 г. Они снизили доверие граждан к системным политическим партиям и способствовали росту популярности ультраправых сил, таких как «Альтернатива для Германии» [8].

Еще одной тенденцией политики памяти стало появление в XXI в. постколониальных ассоциаций, которые стремились сместить акценты с политики вины за преступления нацизма в Европе на ответственность за преступления против народов бывших германских колоний в Африке и Океании [7]. Поскольку германская колониальная империя просуществовала всего 30 лет и ее история несравнима с многовековой традицией британского, французского или голландского колониализма, здесь очевидно заимствование мейнстримных нарративов исторической политики Западной Европы ради преодоления обособленности своего исторического дискурса и включения его в более широкий европейский контекст. Хотя в случае Германии противопоставление дискурса вины за колониальную политику и политику нацизма не всегда верно. Например, такой эпизод германского колониализма, как геноцид племен нама и гереро в Германской Юго-Западной Африке (нынешняя Намибия), сыграл важную роль в формировании будущей расовой доктрины Третьего рейха, а многие его организаторы впоследствии заняли важные места в нацистской иерархии.

Внутренние факторы были связаны с послевоенным развитием немецкого общества и государственных институтов ФРГ. Начатый после завершения войны процесс денацификации вскоре был свернут из-за нехватки кадров для системы госуправления. Принятые Контрольным советом союзников по антигитлеровской коалиции нормы по «очищению» государственных структур от бывших членов НСДАП постепенно отменялись, и в 1951 г. в ФРГ был принят закон, позволивший им вновь занимать государственные посты [4, с. 93–94]. Таким образом, был взят курс на коллективное забвение и реинтеграцию бывших нацистов в германское общество. Причем он охватил как ФРГ, так и ГДР. Вслед за историком Г. Люббе, считавшим, что такая стратегия хоть и препятствовала осмыслению обществом своей коллективной ответственности, но обеспечивала его устойчивость и скорей-

шую демократизацию, А. Асман называет этот феномен «коммуникативным умолчанием» [1].

Первый удар по этой политике нанесли немецкие философы К. Ясперс и Х. Арндт, заявившие о необходимости осмысления темных страниц недавнего прошлого и принятия коллективной ответственности за него. А начатая Ясперсом дискуссия о том, важнее ли восстановление единства немецкой нации, чем закрепление демократических преобразований, стала главной предпосылкой «спора историков», с которого обычно отсчитывают начало германской исторической политики.

Далее последовали «Освенцимские процессы» первой половины 1960-х гг., где в качестве основной базы обвинения использовались свидетельские показания выживших узников немецких лагерей смерти из стран, оказавшихся по обе стороны железного занавеса. Они привлекли широкое международное внимание и вызвали большой резонанс в самой Германии [1].

Важную роль в отказе от «коммуникативного умолчания» сыграло молодежное движение в ФРГ 1960-х – 1980-х гг. Движение «Поколение 68-го» стало катализатором переосмысления нацистского наследия. Оно активно критиковало старшее поколение и политические элиты за молчание о преступлениях Холокоста и требовало изменений в историческом образовании. В итоге образовательные программы были пересмотрены, а мемориальные комплексы, такие как Дахау (1965 г.) и Берген-Бельзен (1966 г.), стали играть важную роль в историческом просвещении [4, с. 97].

В середине 1980-х гг. молодежь ФРГ выразила решительный протест против стремления канцлера Г. Коля «подвести финальную черту под прошлым» [10]. Когда 5 мая 1985 г. он намеревался вместе с президентом США Р. Рейганом совершить на немецком военном кладбище в Битбурге, где захоронены и эсэсовцы, очередной ритуал прощения и забвения, молодежные активисты в знак протеста начали несанкционированные раскопки в Берлине на месте бывшей штаб-квартиры гестапо. Позже там был установлен мемориал «Топография террора». Как отмечает А. Асман, молодежь показала, «что с прошлым отнюдь не покончено и оно не забыто» [1].

С середины 1980-х гг. в ФРГ утверждается «политика вины», направленная на признание коллективной ответственности за преступления нацизма и поддержание памяти о них. Знаковым событием здесь стало выступление президента страны Р. фон Вайцекера 8 мая 1985 г., где он обозначил эту дату как «день освобождения Германии от нацизма», а не ее поражения [4, с. 98]. Вскоре развернулась и общественная дискуссия, известная как «спор историков». В ходе нее одни ученые пытались представить нацизм как ответ на действия сталинизма, а другие настаивали на беспрецедентности его преступлений [4, с. 99].

Объединение Германии стало вызовом для ее исторической политики в связи с формированием новой национальной идентичности. Возникла необходимость интеграции двух исторических нарративов: западно-германского дискурса покаяния и восточно-германского нарратива антифашистского сопротивления. Также встал вопрос оценки роли ГДР в немецкой истории. Открытие архивов Штати и создание мемориалов жертвам коммунистического режима стали важными шагами в процессе формирования современной германской исторической политики [4, с. 100–101; 8; 9]. В 1990-е гг. также началось развитие мемориальной культуры и мемориального законодательства.

Современная немецкая историческая политика основывается на идее диалога между национальной памятью Германии и других европейских стран. Это отличает ее от обычного монолога национальных нарративов прошлого [1]. Историческая политика становится инструментом дипломатии и «мягкой силы» Германии на международной арене, особенно в отношении соседних стран ЦВЕ и постсоветских государств. Выражалось это в двух аспектах:

1) выплата компенсаций гражданам этих стран, в наибольшей степени потерпевшим от немецкой оккупации в годы войны;

2) поддержка общественных инициатив, занимавшихся расследованием преступлений тоталитарных режимов и увековечением памяти о них (например, российского общества «Мемориал»).

Таким образом, ФРГ на рубеже XX и XXI вв. перешла к «экспорту» своей исторической политики [8].

Заклучение

Процесс формирования исторической политики Германии прошел в своем развитии несколько этапов, для каждого из которых было характерно сочетание внутренних и внешних факторов, определявшее его направление и динамику. На первом этапе, с 1945 г. до конца 1950-х гг., преобладали две противоположные тенденции:

1) навязанная побежденной Германии политика денацификации, создававшая законодательные барьеры для возрождения идеологии нацизма и его возвращения в политическую жизнь;

2) реинтеграция бывших нацистов в систему государственного управления в связи с нехваткой квалифицированных кадров.

В ФРГ попытки откупиться от жертв нацистских преступлений сочетались с общим замалчиванием их масштабов. Такую политику называли «коммуникативным умолчанием».

С начала 1960-х гг. наступает этап критического переосмысления прошлого и формирования немецкой мемориальной культуры. Перемены были подготовлены деятельностью гуманитарной интеллигенции – философов и историков, которые публично поднимали острые и неудобные вопросы о прошлом Германии, а также молодежным движением, которое активно выступало против политики «коммуникативного умолчания». Международные события также способствовали переменам. В начале 1960-х гг. произошло обострение «германского вопроса» в ходе холодной войны. А западные союзники ФРГ и резонансные судебные процессы над бывшими надзирателями нацистских концлагерей все сильнее подталкивали ее к признанию масштабов трагедии Холокоста.

Свою роль сыграли и успехи европейской интеграции, в ходе которой уже в 1970-е гг. началось обсуждение формирования общей исторической памяти и наднациональной европейской идентичности, что в условиях глубокого кризиса идей немецкого национализма позволяло новому поколению немцев заполнить «вакуум идентичности».

Следующий период начался после объединения Германии. Он характеризовался интенсивной институционализацией исторической политики. В это время создаются мемориальные комплексы и принимаются мемориальные законы. А изменения на международной арене создали благоприятные условия для «экспорта» германского опыта демократизации и осмысления темных страниц своего прошлого в страны ЦВЕ и постсоветского пространства в качестве важного инструмента своей «мягкой силы».

Таким образом, к концу XX в. историческая политика Германии сформировалась как самобытный феномен с потенциалом распространения в другие страны. Однако было бы неправильным утверждать, что ее развитие на этом остановилось. Напротив, германская историческая политика продолжает подвергаться критике и «справа», и «слева». Кризисные явления в европейской интеграции в первые десятилетия XXI в. и неэффективная миграционная политика способствовали росту активности право-популистских сил, которые ставят под сомнение базовые принципы исторической политики страны. В то же время сторонники левых взглядов заимствуют постколониальный дискурс из стран Западной Европы, стремясь сместить акценты исторической политики Германии в сторону вины перед народами бывших колоний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ассман, А. Европейская мечта. Переизобретение нации / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое лит. обозрение, 2022. – 512 с.
2. Доценко, П. А. Преодоление прошлого и «политика вины» в Германии / П. А. Доценко // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2023. – № 4. – С. 113–121.
3. Новикова, М. В. Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шредера / М. В. Новикова // Новая и новейшая история. – 2020. – Т. 64, № 4. – С. 127–137.
4. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования / Д. И. Колесов, И. И. Маслова, О. А. Сухова, О. К. Шиманская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1 (45). – С. 89–104.

5. Шмагин, Д. В. «Скандал Ясперса» и «противоречие Фишера» как центральные элементы «исторической политики» в Западной Германии 1960-х гг. / Д. В. Шмагин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 2. – С. 138–147.
6. Медведева, М. К. Проблемы исторической политики в современной Германии в свете 80-й годовщины начала Второй мировой войны / М. К. Медведева // Германия на перекрестках истории: проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений : сб. ст. – Воронеж, 2019. – Вып. 10. – С. 127–138.
8. Соколов, А. П. Колониальная политика Германии в современной общественно-политической дискуссии ФРГ / А. П. Соколов, А. Д. Давыдов // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13 (3). – С. 67–78.
9. Соколов, А. Прошлое на экспорт: почему историческая политика ФРГ не стала универсальной? / А. Соколов // Профиль: деловой журнал. – URL: <https://profile.ru/abroad/proshloe-na-eksport-pochemu-istoricheskaya-politika-frg-ne-stala-universalnoj-1460966> (дата обращения: 12.09.2024).
10. Brockmann, S. The Politics of German History / S. Brockmann // History and Theory. – 1990. – Vol. 29, nr 2. – P. 179–189.
11. Eder, J. The Journey is the Destination: German Politics of Remembrance and Their Contradictions / J. Eder // The Heinrich Böll Foundation. – 2021. – URL: <https://us.boell.org/en/2021/08/27/journey-destination-german-politics-remembrance-and-their-contradictions> (date of access: 26.02.2024).

REFERENCES

1. Assman, A. Jevropiejskaja miesta. Pierieizobrietienije nacii / A. Assman ; pier. s niem. B. Khliebnikova. – M. : Novoje lit. obozrienije, 2022. – 512 s.
2. Docenko, P. A. Priedolienije proshlogo i «politika viny» v Giermanii / P. A. Docenko // Naucno-analitichieskij viestnik Instituta Jevropy RAN. – 2023. – № 4. – S. 113–121.
3. Novikova, M. V. Problema istorichieskoj pamiaty v Giermanii v gody kanclierstva Gierkharda Shriodera / M. V. Novikova // Novaja i noviejshaja istorija. – 2020. – Т. 64, № 4. – S. 127–137.
4. Istorichieskaja pamiat' o Vtoroj mirovoj vojnie v Giermanii: etapy formirovanija / D. I. Kolievsov, I. I. Maslova, O. A. Sukhova, O. K. Shimanskaja // Izvjestija vysshikh uchiebnykh zaviedienij. Povolzhskij riegion. Gumanitarnyje nauki. – 2018. – № 1 (45). – S. 89–104.
5. Shmagin, D. V. «Skandal Jaspersa» i «protivoriechije Fishera» kak cientralnyje eliemienty «istorichieskoj politiki» v Zapadnoj Giermanii 1960-kh gg. / D. V. Shmagin // Viestnik Rossijskogo univiersitieta druzhby narodov. Sierija: Politologija. – 2013. – № 2. – S. 138–147.
6. Miedviedieva, M. K. Problemy istorichieskoj politiki v sovriemiennoj Giermanii v svietie 80-j godovshchiny nachala Vtoroj mirovoj vojny / M. K. Miedviedieva // Giermanija na pieriekriostkakh istorii: problemy vnutriennej i vnieshnjej politiki v kontiektstie transformacij miezhdunarodnykh otnoshenij : sb. st. – Voroniez, 2019. – Vyp. 10. S. 127–138.
8. Sokolov, A. P. Kolonial'naja politika Giermanii v sovriemiennoj obshchiestvienno-politichieskoj diskussii FRG / A. P. Sokolov, A. D. Davydov // Miezhdnarodnaja analitika. – 2022. – Т. 13 (3). – S. 67–78.
9. Sokolov, A. Proshloje na eksport: pochiemu istorichieskaja politika FRG nie stala univiersal'noj? / A. Sokolov // Profil': dielovoj zhurnal. – URL: <https://profile.ru/abroad/proshloe-na-eksport-pochemu-istoricheskaya-politika-frg-ne-stala-universalnoj-1460966> (data obrashchenija: 12.09.2024).
10. Brockmann, S. The Politics of German History / S. Brockmann // History and Theory. – 1990. – Vol. 29, nr 2. – P. 179–189.
11. Eder, J. The Journey is the Destination: German Politics of Remembrance and Their Contradictions / J. Eder // The Heinrich Böll Foundation. – 2021. – URL: <https://us.boell.org/en/2021/08/27/journey-destination-german-politics-remembrance-and-their-contradictions> (date of access: 26.02.2024).